

Алексей Котов

**Изо
всех
сил**

Алексей Николаевич Котов

Изо всех сил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200982

Аннотация

Любовь не знает предела, человек – тоже, а потому их поединок, их прорастание к свету, их самопожертвование всегда вечны. Двадцать четыре непошлых рассказа о любви.

Дорога из Тимакова

1.

Как бы не страдала Валентина от неразделенной любви, а все-таки ее жизнь была довольно уютной. Например, приличная зарплата в самоуверенной фирме «Мебель «Каприз» обеспечивала ей безбедное существование, подруги девушки были умны и не завистливы, а добрая мама в далекой деревне не надоедала советами. Даже старенькие «Жигули», побывавшие в руках хорошего мастера, привозили-увозили Валу на работу со старанием совестливого ослика. Валентине во многом везло? Наверное. Но она все-таки страдала... Ее любовь к Борису была огромной и мучительной, как нескончаемый сериал в телевизоре с вдруг пропавшим звуком.

Девушка сняла на городской окраине домик с вишней под окном. Точнее говоря, это была времянка во дворе большого дома. Домик был теплым, уютным и со всеми удобствами. Валентина по вечерам рассматривала звезды за окошком меж зеленеющей листвы и думала о своем расставании с Борисом. Она страдала-страдала-страдала...

По ночам прохладный воздух пах живой зеленью сада. Тишина была упоительной с едва обозначенными шорохами листвы, а сами ночи заполнялись мягким лунным светом и прохладными движениями ветерка.

Но женскому уединению с самого начала вдруг стал мешать кот. Сначала в большой форточке возникала неясная тень, а потом на подоконник с характерным звуком приземлялись кошачьи лапки. Кот чего-то ждал там, за шторой...

Когда Валя плакала, она кричала в подушку:

– Пошел вон, сволочь!..

Но кот не уходил. Иногда утром Валя находила кота спящим в кресле, а однажды незваный гость улегся у нее в ногах на диване. Валя трижды побила наглеца тапочкой. Но кот снова и снова возвращался, он был таким же упрямым, как Сережка «из гаража».

Нет-нет!.. По большому счету настоящим «хамами» не был ни кот, ни Сережка. Кот всегда ретировался по первому требованию хозяйки уютного домика, а незваный «жених» Сережка не был навязчив. Сережка был даже улыбчив и – в отличие от Бориса – настолько простодушен, что Валя иногда даже улыбалась ему в ответ...

2.

В пятницу вечером Валя поехала погостить к своей маме. Дорога домой – 70 километров по «московской трассе» – примерно посередине своего пути проходила мимо деревни Тимаково. Деревня расположилась рядом с трассой в изгибе симпатичной речки и со стороны дороги были хорошо видны ее крыши и дворики, густо засаженные яблонями. Тима-

ково казалось удивительно добрым, как что-то сказочное из далекого детства.

Валя остановила свои «Жигули» на въезде.

«Что ж, пусть здесь!..» – решила она.

Девушка открыла дорожную сумку и вытащила из нее недоевшего кота-«захватчика».

– Будешь жить в этой деревне, – строго сказала Валя коту.

Кот отвел глаза, словно понимал, что девушка собирается сделать что-то нехорошее. Валя поморщилась... Она выбросила кота в окно и нажала на газ.

3.

... В понедельник Валя рассказала хозяйке дома Екатерине Тимофеевне, что избавилась от кота.

Екатерина Тимофеевна улыбнулась и пожала плечами.

– Знаете, а вообще-то, наверное, это Мишка был...

Оказывается, у кота был имя.

– Во времянке семья пять лет жила. Это их кот... – Екатерина Тимофеевна смотрела на Валу добрыми глазами и продолжала улыбаться какой-то натянутой, вымученной улыбкой. – А когда мои жильцы квартиру в Новосибирске купили, они Мишку с собой не взяли...

Валя вдруг поняла причину поведения кота. Ей стало немножко стыдно: как выяснилось, кот не без оснований считал времянку своим домом.

– А еще у меня военный с семьей полгода жил, – хозяйка перестала улыбаться и чуть поморщилась, словно вспоминала о чем-то неприятном. – Кот им, как и вам, надоел. Знаете, Мишку два раза в Тимаково отвозили...

– Куда-куда? – удивилась Валя.

– В Тимаково, – хозяйка махнула в сторону «московской трассы». – Тут недалеко... Дача там у квартирантов была, что ли?.. Последний раз перед самым отъездом Мишку выбросили. Но он, видно, снова вернулся...

Валя потеряно кинула. Она оборвала разговор и ушла к себе в домик.

Стыд за свой недавний поступок слегка подрумянил щеки девушки. Оказалось, кот Мишка уже дважды проходил одну и ту же дорогу, но теперь – уже по ее вине! – вдруг снова оказался в изгнании. И что не менее важно, в той же самой деревне Тимаково.

Вечером Валя впервые не вспоминала Бориса. Ее воображение было занято другим: оно то и дело рисовало девушке кота, который шел по дороге в сторону города...

Валя достала сотовый телефон и позвонила Сережке. Она сказала, что ей скучно и что именно сегодня она согласна пойти с ним еще раз в кино.

«Просто отвлекусь немного...» – решила девушка.

...Кот-изгнанник вернулся во вторник утром. Он бесшумно возник в форточке и замер, рассматривая лицо Вали.

– Ми-и-ишенька пришел, – девушка радостно рассмеялась. – Привет, эмигрант из Тимаково. Как добирался?

Валя осторожно, чтобы не испугать кота, подошла к окну.

– Колбаски хочешь?

Кот жалобно мяукнул... В его глазах замер немой вопрос.

Внешний вид кота-путешественника поведал Вале о том, что его очередное – третье по счету – возвращение из Тимаково было не столь простым. Вываленную в пыли шубку кота украшали репы, а левое ухо откровенно кровоточило.

– Ладно, ладно!.. Пошли завтракать.

Кот согласился. Он даже позволил взять себя на руки.

– Так и быть, живи у меня, – объявила Валя. – Только учти, что вечером я тебя выкупаю.

Мишка ел долго и жадно. Валя иногда поглаживала кота, а кот, когда его касалась мягкая рука, замирал, чуть прижимая ушки. Левое почти не двигалось и, наверное, коту было больно.

– Ой, ну хватит меня бояться, – не повышая голоса, возмущалась Валя.

Она нашла картонный коробок от недавно купленных сапожек и устроила коту уютное гнездышко.

– Отдыхай, изгнанник. Кстати, приду с работы, обязательно тебя выкупаю. Я же тебе пообещала.

5.

Вечером Валя не смогла загнать свои «Жигули» во дворик – мешала огромная «фура» на улице.

– Сын ко мне переехал, – пояснила квартирантке Екатерина Тимофеевна. – Пару дней у меня поживет. Канализацию у них дома прорвало...

На порошках дома сидел веселый парень. Он пил пиво из горлышка бутылки и играл с хохочущим на его коленях малышом.

– Моя «фура» вам заехать мешает? – догадался он, едва взглянув на Валю. – Сейчас отгоню.

– Кстати, Валя, а Мишка-то, оказывается, вернулся, – сказала Екатерина Тимофеевна.

Девушка не успела подтвердить, что да, кот действительно вернулся и она рада этому.

Но домохозяйка продолжила:

– Настырный какой, а?!.. Только вы не беспокойтесь, я его снова выбросила.

Девушку шатнуло.

– Куда выбросили? – с ужасом спросила она.

– Куда, сынок? – спросила сына Екатерина Тимофеевна.

– А куда ж его девать-то? – пожал плечами парень. – Я сегодня утром в Жлобино «фуру» гонял... В Тимаково ко-та и выбросил. Деревенька с виду очень даже симпатичная.

Думаю, не пропадет там кот.

«В четвертый раз!..» – мысль была настолько огромной, что заслонила собой весь мир. Валя споткнулась на порогах своей временки и чуть не упала.

«В четвертый раз!..»

6.

Ночь прошла почти без сна... Утром Валя позвонила на работу и сказала, что берет день «без содержания». Дорогу до деревни Тимаково Валя проскочила за час.

По пути она попыталась прикинуть в уме, сколько мог пройти кот Мишка за последние двенадцать часов. Валя остановила машину за мостом возле лесополосы, километрах в десяти, не доезжая Тимаково.

Девушка вышла из машины и громко позвала:
– Кис-кис, Мишка!..

Из ближайших зарослей высунулась сначала рыжая, а потом сразу две черных кошачьи мордочки. Валя позвала Мишку еще раз. Кустарник зашевелился и оттуда вышел огромный персидский кот.

«Господи, да сколько же их тут?!» – удивилась девушка.

Валя осторожно приблизилась к кустарнику. Там, за листвой, она увидела еще чуть ли не десяток котиков и кошек всех возрастов, несколько перепуганных и крохотных домашних собачек, трех енотов и даже пару песчаных лисичек с огром-

ными ушами – феньков.

«... Их, значит, тут бросают, – догадалась Валя. – Мол, симпатичная деревенька, здесь и живите. Но в Тимаково никто не остается. Они все в город идут... Домой!»

Девушка оглянулась. Там, у недалекого моста, отдыхала и лениво резвилась огромная стая бродячих собак. Псы караулили мост и знали, что добыча не может пройти мимо.

«Но они все равно идут домой...»

Девушка немного успокоилась и попыталась подманить животных, чтобы хоть нескольких перевести через страшный мост. У нее ничего не получилось, коты разбежались.

Девушка заплакала.

– Мишка!.. – что было сил закричала она. – Кис-кис, сволочь!

Кот Мишка трижды проходил через мост возле Тимаково. Но Валя не была уверена, что кот сможет пройти его в четвертый раз...

7.

Сережка получил странную «эсэмеску» в девять вечера. В ней говорилось о мосте вблизи Тимаково, ружье, канистре бензина и «желательно фонарике».

Сережка примчался в указанное Валентиной место уже через сорок минут. Наступали сумерки, и он легко заметил огромный костер за мостом.

– Они, как и волки, света боятся, – пояснила Сережке веселая и перепачканная золой Валя.

– Кто?.. – удивился Сережка.

Валя рассказала о коте Мишке и крохотных существах, которые сейчас идут домой из Тимаково.

– Они ночи ждут, чтобы прорваться через мост. А на них собаки охотятся. Но собаки боятся огня, – Валя тепло улыбнулась, рассматривая лицо Сережки. – Я уже видела, как через мост пробежали пять кошек...

Сережка плохо понимал девушку. Он поймал ее очередной ласковый взгляд и с огромной, облегчающей радостью подумал: «Она просто сошла с ума!»

– А теперь давай веток в костер подкинем, –скомандовала Валя. – И бензина плеснем. Нам Мишку, может быть, до рассвета ждать.

Сережка развел такой огромный костер, что в небо полетел целый фейерверк искр. Водитель одной из фур притормозил и выразительно повертел пальцем у виска.

Сережка только отмахнулся.

– Знаешь, Сережа, – вдруг тихо сказала Валя. – А ведь нет никакой любви... И не было ее у меня. Потому что, теперь и здесь, я поняла, что значит вся наша жизнь...

– И что же?.. – осторожно поинтересовался Сережка.

– Она – дорога из Тимаково.

Костер разгорался все ярче и гнал темноту в сторону лесополосы.

«Господи, главное чтобы Валя до загса не выздоровела! – вместе с искрами летела к небу улыбочивая молитва Сережки. – Главное, чтобы не выздоровела!..»

Связанный ангел

...В подъезде, на порожках, сидел самый настоящий черт в дорогом кашемировом пальто. Черт лукаво щурился и барабанил пальцами по «дипломату» на коленях.

Коля потрясено икнул и попятился к выходу.

– Подожди, мужик, – весело сказал черт. – Хочешь, самое заветное желание выполню?

Коля посмотрел на лохматые ноги, которые вместо ботинок украшали лакированные копытца, и отрицательно покачал головой.

– Да ладно тебе, не бойся, – черт раскрыл дипломат и вытащил толстую пачку денег. – На, держи!

«Душу хочет купить, сволочь, – пронеслось в не совсем трезвой, после дружеской вечеринки голове, Коли. – На-кося выкуси!..»

– Душа? – засмеялся черт. – Дурак! При случае я ее за пару ящичков водки куплю. А с другой стороны, посуди сам: сейчас ты домой придешь, жена ругаться начнет, а ты ей — деньги. На, мол, и никакого скандала. Короче говоря, просто так тебе их даю. Усек?

Коля подозрительно покосился на деньги. С первого

взгляда они выглядели довольно симпатично...

...Жена Людочка действительно начала ругаться прямо с порога.

– Одиннадцать часов! – кричала она. – А ты опять, да?

Коля молча протянул жене целый ворох толстых денежных пачек и не спеша разделся. Захватив из кармана куртки недопитую бутылку водки, он пошел на кухню.

Потрясенная и бледная Людка возникла на пороге как приведение.

– Здесь сто тысяч долларов, – прошептала она. – Откуда, Коля?!

Коля со вкусом выпил водки. Молчать было приятно.

– Откуда?!.. – снова простонала Людочка.

– Один мужик должок отдал, – соврал Коля. – Теперь мы квиты.

Людочка села за стол. Супруги долго рассматривали деньги. Наконец, Люда осторожно отодвинула несколько пачек в сторону.

– Это на новую квартиру... – робко пояснила она, взглянув на мужа.

Коля кивнул. В глазах жены появился теплый интерес к деньгам и женские пальчики отделили новую пачку:

– Это на мебель... Знаешь, какую я замечательную стенку недавно видела?

– Догадываюсь. Но на мебель и побольше можно, – снис-

ходительно заметил Коля.

– Ладно. А это на... На машину, да?

Коля снова кивнул.

Людочка задумалась: денег оставалось еще очень много. Время летело незаметно. Супруги принялись обсуждать, что можно купить на оставшуюся сумму. Фантазия работала на пределе возможного.

– Можно купить дачу, – сказала Люда.

– Очень хорошую дачу, – поправил Коля.

– И шубку!

– Даже две.

– А зачем две?

– Мало ли, а вдруг инфляция?! И вообще, на эти деньги сейчас все можно купить, – убеждено сказал Коля. – Все, включая место на кладбище.

Потеплевшее было лицо Люды, вдруг дрогнуло.

– Коля, а откуда все-таки деньги? – тихо спросила она.

– Да тебе-то что? – возмутился Коля.

– Как это что? – тоже повысила голос Людочка. – Ты приносишь целую кучу денег и, по-твоему, я должна молчать?

– Другая бы обрадовалась.

– Я не другая! – обиделась Люда.

Коля пожалел, что так некстати помянул какую-то «другую», Люда была очень ревнива. Он выпил водки и поперхнулся. Люда сдвинула деньги к рукам мужа.

– Знаешь что?.. Иди-ка, отнеси их, откуда взял, – строго

сказала она. – Хоть в самом деле на кладбище.

– Дура! – взревел Коля. – Ведь даром же, даром дают!

Люда встала и молча вышла. Коля чертыхнулся – если жена замолкала, спорить с ней было бесполезно. Коля вздохнул и потер грудь. Он вспомнил о лакированных копытах под пальто, и сердце вдруг необъяснимо заныло.

«Может быть, и в самом деле, – подумал он. – Ну их, эти деньги, к черту, а?..»

...На порожках никого не было. В темном углу шевелилось и тихо стонало что-то белое и неясное. Коля на всякий случай перекрестился дрожащей рукой и подошел поближе. На полу лежал связанный ангел.

Ангел сердито засопел и показал взглядом на веревки.

– Балбес ты! – закричал ангел, лишь только Коля вытащил изо рта пленника кляп из свернутой шляпы. – Нашел с кем связываться, с рогатым!

«Ангел-хранитель мой, наверное», – догадался Коля, заботливо помогая пленнику избавиться от веревок.

– Не твой, а твоей жены! – буркнул ангел. – Думаешь, к тебе рогатый приходил? Размечтался!.. Жена ему твоя нужна, понял? К ней он подбирается.

Коля удивленно заморгал глазами.

– А мой... Этот, с нимбом... Как его? – он покраснел. – Где, а?..

Ангел промолчал и вырвал из рук Коли деньги.

– Сволочи! – раздраженно пробормотал крылатый небожитель, рассматривая на тусклый свет одну из банкнот. – Уже с настоящими работают. Прогресс!..

– А мой-то, говорю этот... – снова начал, было, Коля.

– Не положено! – оборвал его ангел.

– Что не положено?

– Знать, что не полагается! – ангел сунул деньги в карман и пошел к выходу. На порожках он оглянулся. – Лохматому при случае передай, все равно рога ему поотшибаю. Так и скажи.

Дверь сердито захлопнулась.

...Коля вернулся домой совершенно убитым. Людочка сидела на кухне за пустым столом и смотрела в окошко.

– Есть будешь? – виновато улыбаясь, спросила Людочка.

«Ей-то хорошо! – ревниво подумал Коля. – Ишь, что этот крылатый пообещал – рога, говорит, за нее поотшибаю. А за меня кто?!...»

Коля махнул рукой и поплелся в спальню. Он быстро разделся, лег и укрылся с головой одеялом. Острое чувство одиночества жгло его почти до физической боли. Коля страдал...

Людочка присела рядом, откинула кончик одеяла и погладила мужа по голове.

– Колечка, ты что? – спросила она. – Не расстраивайся, пожалуйста. Подумаешь, деньги. Сами и зарабатываем.

«Да не в деньгах тут дело!.. Все люди, как люди, – подумал Коля. – У всех, наверное, эти крылатые, с нимбами есть... Охраняют, наверное, берегут. А я... Черт сказал, мол, за пару ящиков водки тебя куплю... – Коля вдруг всхлипнул. – Подумаешь, выпиваю... Ну и что?!»

Людочка легла, прильнула к мужу и погладила его ладошкой по груди.

– Отстань!.. – сквозь слезы простонал Коля.

– Ну, хватит же, – улыбнулась Людочка. – Давай мы купим тебе новую куртку?

– К черту куртку, к тому черту, который в кашемировом пальто!.. – закричал Коля. – Не понимаешь ты ничего, глупая!

– И что же я не понимаю? – Людочка нежно поцеловала мужа в ухо.

«Что-что!.. Чем я хуже других-то?!» – подумал Коля.

По щеке Коли побежала слеза. Натолкнувшись на женский носик, капля нерешительно замерла. Людочка невидимо улыбнулась в темноте и коснулась слезинки языком. Колю перестал бить озноб. Теплая рука жены гладила его то по голове, то по груди, то снова по горящему лбу.

«Вот брошу пить и сразу, наверное, рядом кто-нибудь с нимбом объявится, – решил про себя Коля. – Обидно, правда, почему его теперь нет. Живи, понимаешь, один, как дурак да водку пей...»

Рука Людочки вытерла лицо мужа. Рука была удивитель-

но теплой, доброй и мягкой. Коле стало немного легче. Он закрыл глаза и вздохнул. Людочка шепнула что-то в ухо мужа, и он улыбнулся.

Людочка тихо засмеялась. Женская рука снова коснулась лба мужа.

– Спи, пожалуйста, Коля, спи.

Коля еще раз облегченно вздохнул и умиротворенно засопел носом...

Удостоверившись, что муж уснул, Людочка встала и пошла на кухню попить воды. Потом она долго стояла на балконе и смотрела на звезды. Мир был огромен и прекрасен.

«Ах, – вдруг улыбаясь, подумала Людочка, протягивая руки и огромному звездному небу, – как же летать хочется! Просто удивительно как хочется!..»

Женщина засмеялась от чистого, переполняющего душу счастья. Полет туда, к далеким звездам, вдруг показался ей не только возможным, но и смутно знакомым. Людочка потерла лоб, пытаясь собраться с мыслями. Да-да!.. Стоит только взмахнуть крыльями и тогда все получится само собой – легко и просто... Как раньше. Сзади чуть слышно зашелетели крылья...

В спальне громко всхрапнул Коля. Людочка вздрогнула и оглянулась...

Вернувшись в комнату, она нырнула под одеяло и, все еще чему-то улыбаясь, положила голову на грудь мужа.

«Все будет хорошо, – подумала Людочка. – Все будет хорошо, и я почему-то знаю это...»

Она закрыла глаза.

За шторой, на балконе, мелькнула черная тень с длинной, похожей на огромную косу, палкой в худой руке. Тень прикинула к стеклу, что-то напряженно высматривая в комнате. Коля спал, широко раскинув руки. Штора шевельнулась, и лунный свет коснулся удивительно красивого женского лица. Женщина улыбалась...

Черная тень отшатнулась от окна, потом взмахнула крыльями и исчезла во тьме.

Сволочь

Все, Леша, с самой обыкновенной аварии началось... Ехал я по делам на своем «БМВ», как вдруг откуда-то сбоку, как черт из шкатулки, захудалый «Москвичок» выскочил. Долбанул он меня в бочару да так хитро, что я чуть было половину зубов на баранке не оставил. Даже услышал, как челюсть и нос у меня хрустнули.

Вытер я кровь с физиономии и думаю: все, мужик, кранты тебе!.. Из машины вышел злой как черт. Один шаг сделал, даже на «Москвич» взглянуть не успел, – поскользнулся. Весна была, гололед... Затылком ко льду приложиться по такой погоде – раз плюнуть. В общем, только небо мне в глаза брызнуло, а дальше – полная тьма.

В себя я только через пару дней пришел, уже после операции. Пошевелился чуть-чуть... Чувствую, состояние около нуля: зубы проволокой перевязаны, к правой руке, словно гирию подвесили, а на голове «чалма» из бинтов. Замычал что-то... Вдруг женское лицо надо мной склонилось. Прямо ангельское личико: красивое до тихого совершенства, а в глазах ничего кроме любви и сострадания.

Я мычу: м-м-м!.. Мол, что я и где я?!

Улыбнулась девушка. Улыбка у нее... Не расскажешь про такую улыбку, Леша, при всем желании ее не опишешь ее. Художником нужно быть. За такой улыбкой, Леш, любой мужик на край света пойдет и дорогу назад с удовольствием забудет.

Потом все мне медсестра Танюша рассказала, про все мои переломы, начиная от макушки. А у меня первая мысль в голове: надо же так на ровном месте покалечиться?! Ну, мужик, очень я жалею, что до твоего «Москвичка» дойти не успел.

Лечиться всегда трудно, тем более такому неумемному как я... Меня же словно из самой гущи жизни за уши выдернули да к больничной койке привязали. Волком взвоешь! К тому же бизнес у меня был аховый – каждый час что-то решать нужно иначе если и не все потеряешь, то очень многое. А тут лежи и мычи.

Через неделю записку от жены мне передали. Развернула у меня ее писульку Танечка перед глазами. Читаю я, и соб-

ственным глазам поверить не могу: прощай, мол, дорогой, на веки, поскольку у меня большая любовь с твоим лучшим другом.

Вот так, Леша, все в жизни я потерял: дело, жену, дом и все движимое и недвижимое имущество, поскольку моя бывшая женушка большой стервой оказалась и практически все на свое имя до суда перевела. А я ведь что?.. Я ведь на койке связанный лежу и не то, что пошевелится, слова и того сказать не могу.

Звереть я начал... Если бы не Танечка точно с ума спятил. Такая меня, Леш, обида жгла, что сил нет!.. Иной раз бился в истерике как припадочный. Не то, что от человеческого голоса, от любого громкого звука до белого каления за секунду доходил. Танечка и успокаивала меня... Отдельную палату мне нашла. Сама за нее и заплатила. У меня ведь, Леш, ни отца, ни матери нет, и все доверенности на жену были оформлены. Впрочем, что там отдельная палата!.. У меня денег даже на яблочный сок не было. Танечка на свои кровные и выхаживала меня...

Никогда еще в жизни, Леш, я такой нечеловеческой преданности и верности от женщины не видел. Помню, какого-то «крутого» хотели в мою палату положить, а меня, стало быть, куда подальше сунуть. Так Танечка чуть ли не в драку!.. Смешно, честное слово. Смешно было смотреть, как девчонка с кулачками на двухметровых «жлобов» бросалась. И если бы вдруг вытащили мою койку, допустим, на улицу

под дождь, уверен, Танечка рядом стояла и зонтик надо мной держала. И не ушла бы она, ни за что не ушла!

А кто кроме Танечки «утку» мне подносил, кто с боку на бок ворочал, кто белье менял, кто по ночам не спал?.. И кто сказки мне читал?! Не смейся, Леш!.. Какие сказки, спрашиваешь?.. Да самые обычные, детские. Читает мне их Танечка и волосы мои рукой ворошит. Иначе не усыпал я. А так... Так вроде и легче было. словно в деревне на печке у бабушки лежишь.

Потом – кризис... И физический и этот... Как его? В общем, внутренний. Исхудал я страшно, ослабел до дистрофической дрожи. Как-то раз украл у Танечки зеркальце, взглянул в него... Скелет лежит! Все, думаю, помираю я... Отбегался, мужик, отшебурился.

В таком состоянии, Леш, когда только на потолок смотришь, наверное, любой человек все, вся и всем простить может. Да ну вас, мол, к черту граждане люди, достали вы меня! Если разобраться, то, как я жил и что в жизни видел?.. Суету одну. Вспомнить толком нечего, не то, что поблагодарить за что-то. А люди... Они же все глупые. Ну, куда мы спешим, куда бежим и что в итоге получаем?!.. Тогда и понял я, одну простую истину: человек не меняется. Вся эта философия о само совершенстве – бред сивой кобылы. Единственная и самая великая свобода, что дана человеку – возможность изменить соотношение добра и зла в собственной душе. И все!

Ах, как хорошо прощать-то, оказывается, Леша!.. Помню,

лежу и смеяться от счастья готов: легко на душе, радостно и светло. Думаю про себя: что мне жена?.. что друзья?.. что вся эта тараканья возня под названием бизнес?.. Господи, Создатель мой, да отними ты у меня сейчас все, я только тебе спасибо скажу. Об одном лишь Тебя попрошу, оставь мне, пожалуйста, Танечку! Если выживу, что и кто мне еще будет нужно кроме нее?.. А ради нее я на все готов. Деньги ей понадобятся?.. Заработаю, я мужик крепкий. Хотя, разве в деньгах тут дело?.. Тут, думаю, Господи, еще что-то нужно... Только что? И очень уж легко здесь запутаться можно. Поэтому ты, Господи, пожалуйста, это самое... Похлопчи там, а? Человек я грешный и куда мне теперь без Тебя?

Смешно, честное слово!.. Ведь раньше я совсем другим был, чем-то вроде колхозного бугая. Посуди сам: рост у меня – метр девяносто, вес – центнер, кулаком на спор стену в полкирпича прошибал. А такому, ох, как трудно не стену, а самого себя пробить. Эта стена покрепче кирпичной будет.

В общем, Леш, простить-то я все-таки не всех сумел... Весь мир простил, а вот ту сволочь в «Москвиче» так и не смог. Помню, лежу, смотрю в потолок и на душе светло как на земляничной полянке в солнечный денек. Но вдруг мысль в голову: хорошо, братан, ну а «Москвичок» тот как же, а?.. И ту сволочь ты, значит, тоже простишь?

И темнело у меня в глазах от безумной злобы!.. Прогибало всего до судороги. Ну, думаю, водила чертов, об одном только жалею, что не смог до тебя добраться.

Даже сны снились: выхожу из машины и подхожу к «Москвичу»... Дверцу не то что открываю, а отрываю к чертовой матери! А там никого нет... Пусто.

Танечка рассказывала, рычал я во сне от бешенства, метался, одеяло рвал... Если бы не она!.. Если бы не она, Леш, вынесли бы меня из больницы вперед ногами и похоронили за казенный счет на кладбище для бомжей.

Время – тоже лекарь... Стал я поправляться. Когда чеплюсть поджила, проволоку наконец-то с зубов сняли... А я вдруг думаю: что если и Танечка меня бросит? Ну, вот возьмет и бросит?.. Что же тогда, мол, я бедный и разнесчастный делать-то буду?! Идиотизм, конечно, но любому человеку, для того чтобы химеру в своих мозгах соорудить много не нужно. В общем, еще прямо там, в больнице, я попытался Танечку к себе в постель затащить. Представляешь, эту картину, да?.. Худой, небритый скелет пытается обеими руками ухватиться за жизнь.

Рассмеялась Танечка, поцеловала меня в щеку, погладила по голове как ребенка и говорит:

– У тю-тю-тю, какие мы, оказывается, сексуальные. Дала бы я тебе по физиономии, да не хочу, чтобы на тебя опять проволочный намордник надели.

Как-то раз болтали мы с Танечкой, о чем придется... Настроение у меня было лучше и представить нельзя. Уж и не помню точно, о чем мы говорили, только вдруг почему-то опять я водилу «Москвича» вспомнил.

Потемнело у меня в глазах.

– Ну, – рычу я, – повезло этому типу, что он мне в руки не попался!

– Зачем? – спрашивает Танечка.

– Узнал бы!.. – говорю, – где только он, сволочь эта?

Потупилась Танечка, покраснела и шепчет:

– Здесь...

Понял, да?!.. На работу в больницу Танечка моя с подружкой ехала и по собственной детской глупости за руль попросилась. Она и врезалась в мою машину, потому что во время затормозить не успела.

Все внутри меня в ту секундочку перемешалось: и добро и зло, и любовь и ненависть, и солнышко и грозовые тучи.

Посмотрел я на потупленное лицо Танечки и шепчу:

– Танечка, сволочь ты моя ненаглядная, нет, не было и не будет у меня никого на целом свете дороже тебя. Ты же меня, сволочь, чуть не угробила!.. Выходи, ради Бога, за меня замуж!

Вот и вся история, Леш... Уже пять лет мы с Танечкой вместе. Двух детей нарожали и, тем не менее, друг другу еще не надоели. Иногда, правда, ссоримся по пустякам, люди мы все-таки... А недавно прильнула ко мне Танечка после ссоры, заглянула в глаза и спрашивает: «Слушай, медведь, а здорово я тебя от первой жены отбила, а?»

И смех и грех!..

Наш с тобой разговор с чего начался?.. С того, что по-

спорили мы о том, что можно простить человеку, а что нет. Так вот, Леш, если по-настоящему, если изнутри, то прощать нужно не поступок человеческий, а самого человека. Пони-маешь?.. А, поэтому, прощая именно так, ты в первую оче-редь самого главного дурака и простишь – самого себя...

Везучая

1.

Таежный поселок Порошево иногда называли «городком геологов». Впрочем, романтика 50-х давно миновала, и по-селок живет своей самостоятельной жизнью уже не только благодаря бородатым, веселым поисковикам.

Старенький «пазик» ездит в райцентр только два раза в неделю. Автобус отправляется ровно в три. И Зоя очень спе-шила... Шестимесячного Мишеньку, исхудавшего донельзя за последние две недели, снова вырвало после кормления. Зоя плакала, и у нее дрожали руки. Едва выйдя из дома, она вернулась, потом что на улице было довольно прохладно по-сле недавнего дождя. Молодая женщина завернула сына в подвернувшийся под руку плащ мужа и бегом поспешила к автобусной остановке.

Шофер Колька Пустовалов курил возле кабины «пазика».

– Ну, теперь все в сборе, значит... – он бросил на Зою укоризненный взгляд.

Та невольно покраснела. Последнюю неделю Зоя испытывала только два жгучих чувства: безотчетный стыд и темный, не переходящий страх за крохотного Мишеньку.

Два дня назад районный педиатр Петр Николаевич Ухов обнаружил у Мишеньки опухоль желудка. Но добраться из райцентра в Иркутск можно было только вертолетом. Стояла нелетная погода и Зоя вернулась домой, в Порошево.

– Ты – неумеха! – у мужа Витьки было злое и холодное лицо. – Ты должна была подождать вертолет, там, в райцентре. Тем более что Петр Николаевич сам просил тебя об этом.

А Зоя вернулась домой, потому что ей было страшно остаться одной, среди незнакомых людей. Она краснела, грызла кулачок и с надеждой смотрела на мужа. Зое недавно исполнилось девятнадцать лет. Свою прошлую, еще детскую жизнь она провела в большом городе. Мать воспитывала Зою одна. Витька – большой и сильный, иногда слишком резкий – «зашибал деньги» работая геологом. Зоя приехала к нему сразу, после родов. Сначала Витька назвал жену «дурой», но потом увидел сына и сразу подобрел.

– Пойми, Зайка, тут же тайга, а не город...

Но теперь Витька был рядом... И Зоя не боялась ничего на свете. Она считала себя взрослой и даже устроилась на работу воспитательницей в детские ясли.

– Глупая ты у меня еще, Зайка...

В постели Зоя прижималась к огромному и теплому телу мужа и жизнь казалась ей удивительно прекрасной. Она

быстро усыпала и ей снились цветные и очень счастливые сны.

Болезнь маленького Мишеньки была слишком неожиданной... Как удар в спину.

– Колька, поехали!

Пассажиров было довольно много. Зое уступили место возле передней двери – там меньше трясло. Мишенька спал. У него было бледное, измученное личико.

Таежная дорога, как шутили некоторые, «направление движения между двух сосен, через бугор, к третьей», могла бы оправдать и более ироничную шутку. «Пазик» то и дело резко бросало из стороны в сторону. Двигатель надрывно ревел на пониженной передаче...

Мост через речку Сойку был хорошо знаком водителю Кольке. Он потянулся за сигаретами и перестал обращать внимание на дорогу. Автобус круто спускался вниз и Колька слишком поздно понял, что машина не слушается руля – ее неудержимо тянуло вправо.

«Шина лопнула!» – Колька вжал педаль тормоза в пол.

«Пазик» проскочил мимо моста и обрушился в реку. Кто-то дико вскрикнул... Стекла салона с треском лопнули и на людей обрушился поток холодной воды.

В сущности, Зоя не поняла что происходит. Она видела только одно – случилась беда. Зоя сидела возле двери и когда та распахнулась, она прижала к себе сына и, не думая, шагнула вперед...

2.

...Стараясь удержать ребенка над водой, Зоя перевернулась на спину. Она отлично плавала, но течение реки было очень бурным. Молодой женщине приходилось прикладывать максимум усилий, чтобы не захлебнуться. Ее пронесло мимо валунов...

Мишенька проснулся и заплакал. Зоя отчаянно сопротивлялась течению. Она попыталась приблизиться к правому, более близкому берегу, но ее едва не расшибло об очередной валун. Удар в плечо получился очень болезненным. Краем глаза Зоя видела потрескавшиеся, древние скалы и верхушки сосен. Но правый берег оказался недостижим, нужно было выбираться на более плоский левый...

Холодная вода сводила судорогой ноги. Зоя с огромным трудом удерживала ребенка над водой. Новый удар, уже в другой плечо, едва не лишил ее сознания. Но Зоя все-таки сумела добраться до берега... Нога задела дно и она встала. Она ползла к берегу на коленях, уже без сил и боялась только одного – уронить в воду отчаянно ревущего Мишку...

3.

Женщина пришла в себя, когда солнце ушло за верхушки деревьев. Мишенька спал... Женщина села. Сильно болели

руки и спина. Холод сковывал тело и мешал дышать.

Чтобы не разбудить ребенка Зоя осторожно приоткрыла плащ, в который был завернут ребенок. У Мишеньки были мокрые ножки... Но они были теплыми и розовыми. Плащ спас ребенка от воды.

Зажигалку Зоя нашла в правом кармане плаща. Целый час Зоя потратила на то, чтобы собрать сухой валежник для костра, а потом долго, до злых слез, щелкала зажигалкой. Замерзшие и исцарапанные пальцы плохо слушались, и даже когда фитилек зажигалки вспыхивал, пламя тут же гасил ветер.

Зоя перенесла валежник подальше от берега, за сосны. Мишенька проснулся и заплакал. Женщина покормила ребенка грудью, но немного, чтобы его не стошнило. Она то и дело согревала ребенка своим телом, хотя сама дрожала от холода. Мишенька уснул. А Зою бил страшный озноб и она снова и снова щелкала зажигалкой...

4.

Утро было холодным, но чистым и ясным.

Зоя открыла глаза и увидела перед самым носом тоненький стебелек. Он уцелел каким-то чудом под кучей валежника брошенного у догорающего костра. Зоя слабо улыбнулась... Валежник был колючим, но лежать на нем было значительно теплее, чем на сырой земле.

У Зои болело горло. Кроме того, простуда заложила нос. Женщина вспомнила вчерашнюю аварию и последний, человеческий вскрик за спиной... Но страха уже не было.

Зоя встала и развела притухший костер. Одежда хорошо высохла, правда, немного мерзла спина.

На полянке Зоя нашла ягоды и несколько грибов на толстых ножках. Она пекла грибы и поглядывала на реку... Зоя ждала и верила в то, что ее найдут именно сегодня. Она хорошо помнила каменную гряду, мимо которой ее пронесла речка и понимала, что пути назад, к дороге, для нее нет.

Костер потрескивал и приятно пах грибами. Грибы оказались довольно вкусными, но их было мало. Зоя снова пошла на полянку. Грибов она не нашла и стала собирать ягоды. Они были чуть сладкими и приятные на вкус, но ощущения сытости не приходило.

Уже вечером ожидание Зоя погасло... Она поняла, что все пассажиры автобуса погибли и что о пропавшем автобусе забеспокоятся в Порошево только вечером.

Она села на землю и заплакала. Ей было жалко водителя Кольку, толстую и жадную тетю Любу из единственного магазинчика в поселке и маленькую девочку, имени которой, она не знала. Там, в автобусе, девочка сидела возле окна и с нескрываемым любопытством рассматривала пейзажи за окном... Потом в это окно хлынула речка Сойка.

Вторая ночь прошла тихо и показалась Леночке теплее вчерашней. Простуда быстро отступала... Возможно дома, Зоя немного покапризничала. Однажды она уже болела ангиной и Витька, суровый и строгий Витька, вдруг стал удивительно покладистым и даже нежным. Он готовил, стирал, мыл, сам кормил из бутылочки Мишеньку и категорически запретил жене вставать из теплой постели. Но молодой женщине нестерпимо хотелось покомандовать мужем. Когда ее дела пошли на поправку, она слонялась по комнатам следом за Витькой и постоянно «удивлялась» его неумению вести простые, хозяйственные дела.

Но теперь Витьки не было... Вокруг шумела тайга.

Утром Зоя в реке поймала большую рыбу. Для этого ей пришлось снять платье и снова войти в холодную воду на отмели. А потом на отмель пришел медведь. Зоя опрометью бросилась в лес, прижимая к груди Мишеньку и бьющуюся рыбину.

Медведь показался Леночке огромным и ужасным. Она долго бежала, не разбирая дороги, пока не споткнулась. Женщина лежала на земле и с ужасом слушала бешеный стук своего сердца.

Страх перед «хозяином тайги» смог победить только голод. Зоя развела костер и испекла рыбу. Днем ей удалось найти очередную ягодную поляну. Зоя ела жадно, но значительно больше голода ее беспокоила мысль, что возвращать-

ся к реке было опасно. Зоя абсолютно не знала здешних мест и понимала, что найти человеческое жильё можно только возле реки. Она пошла на юг, в надежде снова наткнуться на Сойку ниже по течению. Но реки не было...

6.

Четвертую ночь в тайге Зоя провела под разлапистой, старой елью. Ее нижние ветви росли в землю, образуя нечто вроде сухого и уютного шалаша. А там, «на улице» лил дождь... Зоя прижимала к себе притихшего Мишеньку и рассказывала ему бабушкины сказки. Ребенок понимал только интонацию ее голоса. Он жадно сосал почти пустую грудь матери. Когда Мишенька, прерывисто, и как казалось Лене, обиженно вздыхал, у нее наворачивались на глазах слезы. Правда, плакать было совсем-совсем нельзя... Нужно было искать дорогу домой.

А еще Зоя радовалась дождю... Она вволю напилась и даже набрала воды в непромокаемые карманы плаща.

7.

... Дороги не было. Реки тоже.

Зоя боялась есть подозрительные на вид грибы, и собирала только ягоды. В какой-то мере они помогали справиться и с жаждой.

Потом она увидела волков. Они игрались друг с другом возле оврага, который собиралась осмотреть Зоя в поисках воды. Зоя увидела их первой. У волков были серые, широкие спины и открытые пасти... Тот волк, что побольше явно поддавался в игре своему товарищу. Он отступал, повиливая хвостом и словно смеялся, оголяя огромные белые клыки.

Зоя уходила очень тихо. Она тщательно осматривала землю, чтобы случайно не наступить на сухую ветку. Иной страх, не тот почти панический, когда она увидела медведя, а другой, холодный и трезвый, безошибочно вел ее вперед.

Зоя вспомнила, что летом волки не нападают на людей. Но страх не ушел, а казалось, только рассмеялся над подобным «знанием». Зоя нашла во внутреннем кармане плаща Витьки уже высохшую после купания в Сойке пачку сигарет и аккуратно посыпала табаком свои следы.

Потом она снова ела ягоды и ела их не потому, что хотела, есть – голод уже стал для нее привычным – а потому что ей нужно было кормить Мишеньку. Молока было мало и оно казалось Лене непривычно густым, когда ребенок высасывал его из груди.

8.

...Зоя привыкла к боли и холоду. Она просто перестала обращать на них внимание. Иногда у нее сильно кружилась голова. Но даже когда она садилась, ее тело было похоже на

сжатую, стальную пружину.

Неделя, проведенная в тайге, сделала молодую женщину осторожной и расчетливой. Зоя подобрала по дороге сук, похожий на небольшую дубинку, и едва ли не сутки носила его с собой. Иногда воображение рисовало ей схватку с волками... Зоя сжимала зубы и понимала, что не уступит им до самого конца. Там, в этой страшной мысленной схватке, она наносила врагу удары и видела кровь... Ее острое и жадное желание выжить, выжить во чтобы то ни стало, вопреки всему, стократно усиливалось любовью к крохотному Мишеньке.

Когда Зоя кормила сына, она касалась прохладными губами его теплого лобика, и ей хотелось улыбнуться. Ожесточение таяло, и Зоя осматривалась вокруг себя совсем другими глазами. В такие минуты, а иногда даже часы, Зоя переставала испытывать страх. Тайга казалась ей другой... Тайга спасала и укрывала, а не подстерегала и ждала, чтобы нанести последний, страшный удар.

9.

Вечером седьмого дня Зоя нашла воду. Она уже шла с огромным трудом и только отчаянная жажда гнала ее вперед. Родник бил из под огромных валунов на пригорке поросшим молодыми березками. В сущности, Лену поманил к себе белый цвет их стволов, столь необычный для тайги и

едва видимый за густыми зарослями.

Она напилась сама и согрев воду в ладонях, напоила Мишеньку. Ребенок пил очень жадно. Лене пришлось несколько раз набирать воду из крохотной, хрустально прозрачной лужицы и долго греть ее в ладонях.

Зоя совсем не удивилась тому, что к водопою пришел лось. Огромное животное косилось на женщину лиловыми глазами и осторожно, смешно сложив толстые губы трубочкой, касалось воды.

Как-то раз Витька рассказывал, что лоси могут быть очень опасны. Но Зоя не боялась. Она словно чувствовала, как спокойно это могучее животное.

Потом лось ушел и на водопой пришли зайцы.

– Мишенька, Мишенька ты только посмотри!.. – Зоя была готова расхохотаться и у нее саднили растрескавшиеся губы.

Целое стадо молодых зайчат во главе с толстой зайчихой долго рассматривало женщину и только потом, окончательно убедившись в том, что нет никакой опасности, зайцы приблизилось к роднику.

– Мишенька, смотри же!..

Зоя приподняла сына... Мишка захныкал.

Зайцы едва дотрагивались мордочками воды, тут же отбежали в сторону, но возвращались снова и снова. Они не ушли даже тогда, когда перестали подходить к воде. Зоя видела, как шевелится высокая трава на пригорке и понимала, что если зайцы не уходят, то значит, нет никакой опасности во-

круг.

Зоя так и уснула возле родника... Эта была, наверное, самая тихая, теплая и спокойная ночь за последнюю неделю. Утром женщина напилась удивительно чистой и вкусной воды и как могла, осторожно вымыла Мишеньку и напоила его.

Потом она встала и пошла... И Зоя отлично знала, что ее приключения закончились и она, наконец, идет к людям.

10.

– Петр Николаевич, это же невозможно, поймите!..

– Что невозможно?

– Все!.. И меня просто трясет от злости.

– Хотите, валерьяночки дам? – врач Петр Николаевич снисходительно улыбнулся.

Лицо Витьки вдруг дрогнуло, и по нему скользнула едва заметная, по-детски жалкая улыбка.

– Мы же искали Зойку и Мишку целую неделю... Понимаете?

– Я стараюсь понять.

– И не поймете даже при всем желании! – снова повысил голос Витька – Во-первых, когда этот дурак Колька промахнулся мимо моста и въехал в реку, пассажиров только окатило водой. А потом все посмеялись над этим довольно безобидным приключением. Но Зойка решила прыгнуть в реку, потому что Колька случайно задел рукавом рычаг открытия

дверей... Знаете какая там глубина Сойки?

– Ну, метра два-три...

– Метр, не больше!!.. Зойка могла в любое мгновение встать на ноги.

– Она плыла на спине с ребенком, и ей нелегко было это понять.

– Хорошо. Но зачем она ушла от реки?!

– Она увидела медведя...

– А ошейник на нем в ладонь шириной она не заметила?!.. Это же ручной медвежонок лесника Лукича, Шатунчик!.. Помните, когда мы ездили с вами на рыбалку, вы кормили его с ладошки конфетами? Но самое главное в том, что Зойка бродила не-де-лю, – последнее слово Витька пропел нараспев, – целую не-де-лю в треугольнике двадцать на пятнадцать километров между двумя деревнями и кордоном Лукича!

– Вот и искали бы ее там...

– Искали!.. Прочесали всю тайгу чуть ли не расческами, но не нашли. А потом мы обшарили все вокруг в радиусе почти пятьдесят километров. Нам в голову не могло прийти, что Зойка бегает от волков поблизости от Сойки между трех сосен!

– Вот видите? Волки очень опасны и...

– Собаки рыбаков это были, а не волки! – снова закричал Витька. – Знаете, вообще-то это место между Сойкой и Белыми Камнями Посадом называют. Монах там раньше жил,

что ли?.. Но теперь там две дороги – в сторону Иркутска и Нежинки. Как Зойка на грибников не натолкнулась?! Их же там больше, чем грибов.

Врач улыбнулся .

– Идите и отдохните, Витя, я отменяю ваше свидание с женой.

– Петр Николаевич, вы меня простите, но мне очень хочется сказать Зойке, что...

– Хватит! – голос врача стал строгим и властным.

Витька понял, что спорить бесполезно и вздохнул.

– А что с Мишенькой, Петр Николаевич? – тихо спросил он.

– Повторяю вам третий раз, ничего страшного. Если бы я сам не ставил малышу предыдущий диагноз, то я посчитал бы его нелепой ошибкой. Ваш сын абсолютно здоров. Впрочем... – Петр Николаевич на секунду умолк. – В такие чудеса действительно трудно верить...

– Да какие там чудеса! – отмахнулся Витька. – После того, что случилось с Зойкой, я готов поверить во что угодно. Кстати, Петр Николаевич, вы, я слышал, снова на рыбалку к Лукичу собираетесь?

– И вы, как я понимаю, тоже?

– Да, только я возьму с собой Зойку и Мишку. Иногда женщину нужно ткнуть носом в ее же собственную глупость.

Петр Николаевич возился с клубком перепутанной лески. Медведь Шатунчик сидел возле сеновала и жадно потягивал воздух носом. Оттуда, из широко распахнутой двери, вкусно пахло конфетами. Петр Николаевич улыбнулся и погрозил медведю пальцем. Шатунчик вздохнул и отвернулся...

Витька и лесник Лукич вернулись только через час. Петр Николаевич уже справился с леской и налаживал спиннинг.

– Ну, нашли?..

Витька устало присел рядом.

– Нет... А Зойка где?

– С Мишенькой на сеновале спит, – Петр Николаевич снова улыбнулся. – А Шатунчик их караулит.

– Я вот и говорю, какой тут родник?.. – Лукич словно продолжал прерванный разговор. – Его уже, почитай, лет шестьдесят нету. Как умер монах Сергей, так и родник пересох. А раньше-то родник этот, Сергиев ключ называли...

– А вы сами монаха того видели? – спросил Петр Николаевич.

– Сергия?.. Видел... Мальчонкой еще. Добрый был человек, хоть и один жил... Монастыри-то порушили, вот он и ушел в тайгу. Но людей никогда не чурался... Лечил всегда.

– Там земля возле валунов еще мокрая... – глухо сказал Витька.

– Все одно, ушел родник, – вздохнул Лукич.

Старик поднял глаза и, прищурившись, посмотрел на

солнце.

– Добрый был человек Сергей-то...

– Наверное, и тебя лечил, Лукич?

– Не только лечил... Крестил! И с тех пор болеть мне некогда.

Петр Николаевич недоверчиво покачал головой и отвел глаза.

Шатунчик решил, что люди слишком заняты разговором и осторожно вошел в сарай... Витька встал и поспешил следом.

– А ну, брысь! – громко крикнул он медведю.

– Вот я и говорю... – снова начал было Лукич, но вдруг замолчал.

– Чудеса, что ли? – не поднимая головы, спросил Петр Николаевич.

– Кто ж знает... Кстати, мы и лосиные следы нашли... И зайцев видели.

Из сеновала послышался смех Зои. Шатунчик пулей вылетел из сарая.

– Витька, уйди!.. – Зоя громко ойкнула и снова засмеялась. – Уйди, а то стукну!

Петр Николаевич осматривал готовый к ловле спиннинг. Лукич смотрел на сосны и молчал...

Изо всех сил

1.

Скалистый островок Аффа на первый взгляд казался уютным. Десяток легких кемпингов, небольшой песчаный пляж и единственная достопримечательность острова – далеко выдающийся в море мыс Капелька, сначала не производили на туристов никакого впечатления.

– Ты просто меня ревнуешь к Сереже! – смеялась Олечка. – Если это не так, то посмотри мне в глаза и скажи «нет».

Мишка дразнил веткой сердитого краба. Тот пятился к воде, грозно подняв вверх тяжелые клешни.

– Ну, скажи, скажи!..

Мишка улыбнулся.

– Глупости это... – не поднимая глаз, сказал он. – Лучше иди и проверь акваланги.

– Хочешь искупаться? Тогда спать нужно меньше. И кстати, мы зря не захватили с собой твой любимый диван...

– Почему любимый? – удивился Мишка.

Но Олечка уже надоело спорить с мужем. Она отвернулась и почти тут же заметила мокрую голову Сергея в толпе туристов. Олечка приветливо помахала ему рукой. Сергей ответил... Рядом с красавцем Сергеем стояла стройная Джоан и что-то весело объясняла туристам.

Олечка побежала к толпе... Туристы рассматривали фотографии только что сделанные Сергеем. Олечка восхищенно ойкнула: почти сюрреалистический подводный мир ост-

рова Аффа пестрел всеми цветами радуги.

Сергей подмигнул Олечке и протянул один из снимков. Огромные и плоские валуны на песчаном дне можно было принять за «диван». На «диване» сидела Джоан и ее улыбку не портил даже водолазный носогубник.

– Где это?! – простонала Олечка.

– Там... – Сергей махнул рукой в сторону мыса Капелька. – Чуть левее Крабьего рифа. Глубина не больше четырех метров. Далековато чуть-чуть, но такой красоты я еще нигде не видел...

Олечка мельком взглянула на часы... Ей предстояло сделать выбор: либо отправиться с Мишкой по только что услышанному «адресу» на морском дне, либо все-таки выбрать круиз, в который записались все остальные туристы...

2.

Мишка плыл сзади. В баллонах оставалось еще достаточно воздуха, когда Олечка наконец увидела место на снимках, которые показывал ей Сергей.

Она поманила рукой Мишку. Мишка кивнул и показал большой палец.

«Сама вижу, что здорово! – захотелось крикнуть Олечке. – Иди сюда, лежебока! – она снова взмахнула рукой и показала вниз. – Смотри!...»

Мишка понял все сразу. «Диван» стоял посреди роскош-

ных кораллов, словно в комнате. Разноцветные рыбки были похожи на выпущенных на волю попугаев.

Олечка приготовила фотоаппарат. Мишка сел на «диван».

«Ложись, так будет лучше, – Оля беззвучно засмеялась и провела ладонью по дну. – Ложись!..»

Мишка послушно лег... «Спинку» подводного «дивана» удерживал в вертикальном положении крохотный камень. Мишка задел его ногой и огромный, плоский валун-«спинка», падая вниз захлопнул ловушку словно гигантская раковина.

Олечка бросила фотоаппарат и рванулась к мужу.

«Нога!..» – на перекошенном от боли лице Мишки не было ни кровинки.

Олечка с ужасом смотрела на валун-«спинку». Поднять его вдвоем было практически невозможно. Молодая женщина сняла акваланг, отдала его Мишке, и с силой оттолкнувшись от дна, поплыла наверх к далекому, зеленому солнцу...

3.

Катер ушел час назад и все кемпинги были пусты.

– Да помогите же хоть кто-нибудь! – Олечка готова была заплакать от отчаяния. – Помогите!!..

Шум близкого прибоя заглушал ее голос. Мысли в голове путались, и Олечка никак не могла поверить в то, что она осталась на острове совсем одна.

«Спокойнее, спокойнее!.. – женщина впилась зубами в кулак. – Нужно подумать... Ведь что-то же можно сделать!»

Она оглянулась по сторонам. Рядом с одним из домиков лежал небольшой ломик, спасательный круг и свернутый в бухту длинный и легкий гофрированный шланг...

Обратный путь по извилистой тропинке туда, за мыс Капелька, отнял у запыхавшейся Олечки еще двадцать минут. Прежде чем войти в воду, она привязала один конец шланга к спасательному кругу, а на втором закрепила водолазный носогубник. Эта примитивная и торопливая конструкция должна была «связать» дно и поверхность моря... Оля не могла придумать лучше. Ей нужно было спешить.

Плыть, опираясь рукой на спасательный круг, было легко... Но прежде чем нырнуть Олечка долго смотрела на яркое солнце и пыталась справиться с бурным дыханием. Там, внизу, в двух аквалангах уже практически не было воздуха...

4.

Сергей осторожно отошел от окна и сел в кресло. Тишина вокруг напоминала безмолвие морской глубины. В кемпинге было душно, но шум старого кондиционера мог привлечь чужое внимание.

Прошли долгие пять минут... Сергей вытер пот со лба и достал сотовый телефон.

– Дмитрия Борисовича, пожалуйста, – тихо сказал он.

– Его нет, – ответил далекий и бесстрастный голос.

– Тогда найдите его! – Сергей переложил трубку из одной мокрой от пота ладони в другую. – Скажите, что его беспокоят по поводу «курортного» контракта и оплаты за него...

– Дмитрия Борисовича больше нет... – голос в телефонной трубке оставался по-прежнему совершенно спокойным. – Он умер.

– Когда?!

– Вчера. Нелепая автокатастрофа... Простите, а кто вы?

Сергей выключил телефон и откинулся на спинку кресла.

Слюна во рту была горькой, странно похожей на морскую воду...

5.

...Валун удалось сдвинуть с помощью лома только на чуть-чуть. Дышать через шланг двум донельзя усталым людям было все труднее и труднее.

«Уходи! – Мишка показал рукой вверх. – Уходи сейчас же!...»

У Олечки кружилась голова. Она отобрала у Мишки ломик и сунула его под валун. Приподнять камень можно было только с помощью Мишки, но тогда ему не хватало только одного мгновения, чтобы вытащить угодившую в капкан ногу.

«Давай еще!.. – в шланг попадала морская вода, и Олечке

приходилось то и дело подавлять приступы тошноты. – Давай, ну что же ты стоишь?!»

Мишка взялся за ломик.

«Еще!.. Выше! – Олечка тянула и тянула камень вверх. – Ну же, еще!..»

Когда щель оказалась достаточно широкой для того, чтобы в нее можно было просунуть руку и на мгновение задержать валун, Олечка не задумываясь сделала это...

6.

Сергей вспомнил полное отчаяния лицо Олечки и вдруг почувствовал ноющую, холодную боль под сердцем.

«Они погибнут оба! – боль пульсировала и жгла как острая игла. – А контракт больше не нужен... Черт!»

Сергей быстро встал и потянулся к аквалангу на смятой постели. Его взгляд скользнул по часам на запястье.

«У них уже кончился воздух... – Сергей выронил лямки акваланга, и устало опустился в кресло. – Их обоих уже нет...»

Ловушку на морском дне Сергей готовил целый день. Он был профессиональным водолазом, но не очень-то верил в то, что именно эта ловушка сработает. Но тогда Сергей мог приготовить другую...

«Вот только контракт больше не нужен!»

Тут же пришла другая мысль: «А самое страшное то, что

уже поздно что-то изменить. Еще никому не удавалось победить время...»

Сергей не был убийцей... Он просто спасал близких ему людей. Он менял жизнь одного неизвестного ему человека на несколько жизней очень близких ему людей.

Холодная боль под сердцем стала чудовищной...

Сергей закрыл лицо руками и глухо застонал.

7.

Катер шел к материку и за прозрачной полосой тумана уже показался берег.

– ...Знаете, мне просто повезло. Когда Мишка вырвал ногу, он ударил меня по руке и валун только оцарапал мне кожу, – Олечка улыбнулась, рассматривая смущенное лицо Сергея. – Вот, посмотрите!.. – она протянула руку. – Правда, что было потом я уже не помню. Я пришла в себя, когда Мишка вытащил меня на берег. Меня постоянно рвало, и я даже не смогла перевязать Мишке ногу...

– И все-таки я ничего не понимаю, – Сергей попытался в ответ улыбнуться, но улыбка получилась довольно вымученной. – Кажется, вы что-то упоминали про шланг?

– Ну, да!.. Мы же дышали только благодаря ему.

Сергей чуть побледнел.

– Вы не могли делать этого, – тихо сказал он.

– Почему?

– Потому что когда тяжелый водолаз опускается под воду, ему качают воздух насосом. Понимаете?.. Представьте себе объем ваших легких и внутренний объем четырехметрового шланга. Вы дышали с мужем одним и тем же, уже отработанным в легких воздухом, и должны были погибнуть.

– Разве? – Олечка растерянно улыбнулась. – Но я просто не знала об этом...

– При чем тут знали или не знали? Это законы физики, понимаете?..

Сергей жадно всматривался в лицо Оли, словно пытался найти в нем какую-то очень важную разгадку. Женское лицо вдруг стало холодным, а в глазах загорелись неприязненные, отталкивающие огоньки.

– Чушь! – громко сказала Оля.

– Что чушь? – удивился Сергей.

– Все, что вы говорите! – холодные огоньки в темных глазах Оли стали похожи на звезды. – Ерунда это, какая ерунда, Боже мой!..

Она повернулась и побежала. А у Сергея звучало в ушах безостановочное «Боже мой!.. Боже мой!.. Боже мой!..»

8.

На корме катера никого не было. Сергей сидел в кресле и рассматривал пистолет.

«Любая игра должна быть честной. Боже мой, ты слы-

шишь меня?.. – он криво усмехнулся и взвел курок. – Эта девчонка спасла человека вопреки всем законам физики, но теперь пришел и мой черед. Кто спасет меня, Бог?»

Сергей поднял глаза и посмотрел на светлеющее небо. На какое-то мгновение ему показалось, что к нему вернулось прежнее чувство жалости и сопереживания к уже отчаявшейся найти помощь молодой женщине и ее мужу. Пальцы, поглаживающие вороненую сталь, дрогнули...

«Нет-нет!.. Там, в домике, я просто подумал о том, что контракт больше не нужен, – Сергей выпрямился и поднял пистолет. – Какая для меня разница, есть Бог или нет? Ведь я опоздал к тому, который есть и к тому, которого для меня никогда не было».

Он снова отчетливо вспомнил полное отчаяния лицо Оли. Боль внутри стала совсем другой – горячей и перемешанной со стыдом за практичную жалость и за те оправдания, которые он тогда придумывал для себя. Стыд стал сильнее боли... Стыд и горячее раскаяние не только за попытку убить человека, но и за сволочное холодное сострадание там, в домике, выжигали внутри все без остатка.

«А любая игра должна быть честной, Бог!»

Сергей нажал на спуск. Сухой щелчок осечки прозвучал как выстрел. Сердце дрогнуло и на какое-то мгновение человек с пистолетом умер...

На борт катера села чайка. Она громко крикнула и снова взмыла вверх.

Сергей вытер мокрое от пота лицо и проследил полет чайки. Она растаяла в небе, но человек в кресле еще долго смотрел на облака.

«Тебе виднее... – подумал Сергей. – И ты решил, Господи, что я все-таки успел. Успел именно сегодня, спустя сутки. Спасибо Тебе!»

Сергей резко встал и выбросил пистолет за борт. Возвращаясь в свою каюту, он столкнулся с Джоан. Женщина призывно улыбнулась ему. Сергей отвернулся и, войдя в каюту, с силой захлопнул за собой дверь...

Иуда

1.

Всю неделю Толику снились запахи. Запахи были самыми разными, начиная от упоительного «фимиама» жареного поросенка и заканчивая ароматом спирта, настоящего на сорока травах.

– Я готов! – Толик пригладил ладошкой упрямый хохолок на голове и отошел от зеркала.

Люся вязала в кресле.

– Мы никуда не пойдем, – не поднимая головы, сухо и твердо сказала она. – Я поссорилась с Наташкой.

Толик медленно опустился на стул.

– Как это поссорилась?! – его голос трагически дрогнул.

– Очень просто – на всю жизнь.

Домашние субботние вечеринки у Петровых продолжались весь октябрь. Годовщину свадьбы сменила целая серия дней рождений. Розовощекая теща Петровых, перегруженная сумками, с регулярным постоянством курсировала между городом и деревней.

Толик сглотнул слюну. Веселый праздник хмельного застолья испарился как дым.

– А может, ничего, а?.. – Толик умоляюще смотрел на жену. – Пошли!

Люся подняла глаза. У Толика было жалкое, растерянное лицо.

– Нет, – коротко и холодно бросила Люся.

Толик целую минуту тупо рассматривал телевизор в углу.

– Мне в гараж нужно, – наконец с трудом выдавил он. – Я, в общем... Я пойду.

Стараясь не смотреть на жену, Толик вышел из комнаты. В прихожей тихо хлопнула входная дверь.

Люся вдруг поняла, что сейчас заплачет.

«Сбежал, подлец! – мысль была жгучей, как крапива. – К Петровым ушел, иуда!..»

Люся бросила вязание и закрыла лицо руками.

2.

Сначала Люся не обратила внимания на звонок. Потом

она оставила в покое уже порядком покусанный кулачок и поплелась в прихожую. За дверью стояла улыбающаяся Наташка. Она держала перед собой поднос, прикрытый сверху большой салфеткой.

– А я к тебе! – Наташка весело подмигнула. – Пустишь в гости?

Люся растерянно улыбнулась в ответ и посторонилась.

– Ну, их, этих мужиков, – не теряя веселости, болтала Наташка. В комнате она сразу же принялась накрывать на стол. – Я по тебе соскучилась. Люсечка, милая, прости меня, пожалуйста, а?.. Иногда я такое ляпну, что потом сама удивляюсь.

Люся радостно кивнула.

– Я ведь тоже погорячилась... – она робко улыбнулась. – Правда?

– Правда. Только дура все-таки я, а не ты.

Люсе вдруг хотелось засмеяться от облегчения.

– Пить будем только чай, – Наташка потерла ладошки. – Я же знаю, ты терпеть не можешь ни вино, ни водку, ни самиздатовский самогон. Но тосты говорить будем и первый за тебя!..

Время летело совершенно незаметно. Женская болтовня была веселой, и часто перескакивал с одной темы на другую.

Наташка достала сигареты. Взглянув на закрытую форточку, она встала, подошла к окну, но, протянув руку к шторе, вдруг замерла.

– Посмотри, вон Толик сидит, как гриб под дождем. У нас уже вечеринка кончилась, а Толик домой боится идти.

Люся выглянула на улицу из-за плеча подруги.

Толик сидел на лавочке возле подъезда, подняв воротник легкого плаща. Он сильно горбился и немного кренился на бок.

– Правильно делает, что боится, – твердо сказала Люся. – Предатель!

– Ты знаешь, так нельзя, – Наташка мягко улыбнулась. – В конце концов, можно понять и простить любого человека.

– Даже этого иуду?!

– Иуду?.. – Наташка покачала головой. – Возможно, я и не очень хороший адвокат, Люся, но твоего Толика я смогла бы оправдать даже перед средневековой инквизицией.

3.

Холод пробирал до костей и тепло держалось только в желедке.

«В гараж пойти ночевать, что ли? – Толик нашарил в кармане пачку сигарет, и спички. – Околеешь тут совсем...»

Он оглянулся и тоской посмотрел на окна своей квартиры. На мгновение ему показалось, что за шторой мелькнула чья-то тень.

Толик поежился. Спички были мокрыми. Толик с трудом зажег одну и вдруг заметил, что у него предательски дрожат

руки...

4.

Лицо Наташки было строгим, как у судьи.

– Хорошо, давай во всем спокойно разберемся. Скажи, твой Толик виноват в нашей ссоре?

– Нет, – Люся пожала плечами. – Но какая разница виноват он в ней или нет?

– Не спеши!.. Итак, Толик узнал о нашей ссоре только перед уходом. Скажи, когда Толик уходил, ты знала, что он пойдет к нам?

– Да.

– Ты пыталась удержать его?

– Нет. Он же взрослый человек!

– Взрослый?.. – Наташка снисходительно улыбнулась. – Отлично! Теперь давай поставим самих себя на место твоего мужа...

Люся поморщилась и снова выглянула в окно. С высоты третьего этажа фигура на лавочке под дождем казалась маленькой и жалкой.

«Толик фуражку не надел, – механически подумала Люся. – Простудится еще...»

– Значит, обвинение не возражает? – Разгоряченное лицо Наташки светилось от азарта. – Итак, во-первых, я абсолютно уверена в том, что Толик очень ждал эту субботу. Очень

ждал, понимаешь?..

– Все равно он иуда, – перебила Люся. – Продал жену за кусок поросенка и стакан водки.

– ...Во-вторых, когда продают, то уже не надеются получить проданное назад, – тут же парировала Наташка. – Поступок Толика был импульсивен и похож на поступок ребенка. Маленький мальчик вдруг узнал, что ему нельзя идти во двор, чтобы поиграть с другими детьми. Но он так ждал этого дня!.. Прости меня, Люся, но ему было очень больно.

– А мне разве не было?! – возмутилась Люся.

– Тогда почему ты не предупредила его заранее о нашей ссоре? – Наташка внимательно смотрела на подругу. Этот взгляд вдруг показался Люсе пронизывающим и всезнающим. – Хочешь, я скажу почему? Ты упивалась своей обидой на меня и тебе была интересна только эта обида. А еще тебя раздражала радость Толика по поводу предстоящей вечеринки. Ты очень хладнокровно и заранее рассчитала свой поступок...

– Какой поступок?!

– Ты сознательно поставила Толика перед трудным выбором без подготовки.

– Чушь! – коротко бросила Люся. Она не выдержала взгляда подруги и отвернулась.

– Совсем не чушь. Ты когда-нибудь видела, как малыш тянет свою мать в магазин за плюшевым мишкой, а она рвет малыша за руку так, чтобы сознательно причинить ему боль?

Ты поступила так же.

– По-твоему Толик ребенок?

– Тут суть в другом, Толик он был готов к радости и именно поэтому он был похож на ребенка. Понимаешь мою логику, да?.. Ты думаешь, Толик сбежал от тебя?.. Нет! Он сбежал от твоей обиды на меня, потому что он не понимал ее, как не понимает осознано творимое зло любой малыш. А теперь ответь мне, кто из вас двоих иуда: Толик, который совершил пусть плохой, но бессознательный поступок и теперь сидит под дождем, обвиняя себя во всех смертных грехах, или ты, которая все рассчитала заранее и теперь здесь, в тепле, упиваешься своей моральной победой?

Люся опустила голову.

– Я ничего не рассчитывала... – глухо сказала она.

– Не верю! – Наташка не спеша, вытащила из пачки очередную сигарету. – Но сейчас, в сущности, страшна не твоя ложь, а то, что сейчас у тебя нет выхода.

Пауза получилось очень долгой.

Люка снова покосилась в окно.

– Почему нет выхода? – тихо спросила она.

– Потому что сейчас Толик и в самом деле чувствует себя последним иудой. Даже если ты откажешься от своей лжи, выйдешь к нему и попросишь прощения, он тебя не поймет.

– Почему?..

– Да потому что Толик уже взял всю вину на себя! – закричала Наташка. – Он будет смотреть на тебя огромными, из-

мученными глазами и не по-ни-мать тебя!.. Ты хладнокровно ждала, что бы предать его, и ты сделала это. Теперь Толик – иуда, ты – победительница, а победитель никогда не станет перед побежденным на колени. Но подумай... Подумай и тогда ты поймешь, что иуда – не Толик, а ты.

Люся тихо всхлипнула.

– Фуражка... – тихо и с трудом выдавила она из себя.

– Что?

– Толик без фуражки... Там на улице, – Люся покраснела от стыда. – Ты говоришь, что он не поймет... Наташенька, миленькая, пожалуйста, ну придумай что-нибудь!

Наташка чуть заметно улыбнулась.

– Прямо сейчас?

– А когда же?!.. Он же замерзнет!

5.

На балконе с силой распахнулась дверь, и до Толика донесся раздраженный и громкий голос Люськи. Ему отвечал резкий голос Наташки.

«Скандал, что ли?!» – Толик вскочил.

Не думая больше ни о чем, он бросился в подъезд. Дверь в квартиру была открыта.

– Она, видите ли, меня учить пришла, – красная от гнева Люся стояла в центре зала и грозно размахивала руками. – То же мне, умная нашлась!

Кроме жены в квартире никого не было.

Толик чуть не споткнулся на пороге.

– Что случилось-то?! – с трудом переводя дыхание, спросил он.

– Ничего, – Люся отмахнулась от мужа и снова обратила свой пламенный взор к открытой двери. – Пришла тут, понимаешь!.. Если я мужа к вам отпустила, то нечего меня за дуручку считать.

Тяжело посапывая, Люся осмотрела Толика с ног до головы.

– Толик, я тебя к Петровым сама отпустила, правда?

Толик покраснел до кончиков волос и опустил глаза.

– Ну, правда...

– Тогда чего она тут?!..

– Да кто, она-то?

– Наташка, – взгляд Люси застыл на лице мужа, – Кстати, Толик, ты, почему такой мокрый и синий?

– Я это... В гараж ходил, – Толик по извозчичьи похлопал себя руками по мокрым бокам. – Замерз, короче говоря...

– Зачем в гараж?

– Да чего там, у Петровых делать?.. Ну, выпил стакан и ушел. Мне кардан на машине менять нужно.

– Горе ты мое! – Люся подошла к мужу и стала снимать с него плащ. – Раздевайся немедленно, ведь простудишься, балбес. Лучше бы у Петровых сидел!

Наташка позвонила пол-первого ночи.

– Ну, как наш «концерт»? – весело спросила она. – А моя речь в защиту осужденного иуды? Теперь ты будешь знать, как связываться с профессиональным адвокатом. Я еще и не такое в нашем суде придумывала. У меня зал позавчера буквально стонал и плакал от восторга.

Люся всхлипнула.

– Наташ, у Толика температура под сорок.

– Простыл, все-таки?..

– Простыл. Я ему укол сделала. Легкие послушала – хрипов вроде нет. Может «скорую» вызвать?

– Люсь, ты же медсестра, а не я...

– А что я могу?! – вдруг повысила голос Люся. – Вдруг я ошибаюсь?

– Ну, я не знаю... – растерянно протянула Наташка.

– Ты ничего не знаешь! – раздражено перебила Люся. – Толик на лавочке чуть ли не час сидел, а ты тут языком трепалась. То же мне, гениальная адвокатша нашлась!..

– А почему ты на меня кричишь? – удивилась Наташка.

Ее голос стал сухим и строгим.

– А вот хочу и буду кричать!

Люся швырнула трубу и обхватила голову руками. Голова горела как в огне.

«Боже мой, да что же делать-то?! – с отчаянием подумала

Люська, – А вдруг Толик умрет? И на Наташку я опять накричала... А зачем? Господи, что со мной?!.. Завтра нужно пирожков испечь и к Наташке зайти... Помирился, наверное. А вот Толик...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.